

ВЛАДИМИР ЛОРЧЕНКОВ

ВОДЫ ЛЮБВИ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2024

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Л78

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Лорченков, В.
Л78 Воды любви. Сборник рассказов. — М.: Тотенбург, 2024. — 222 с.

Книга самого яркого представителя поколения русской литературы, пришедшего после Лимонова, Сорокина и Пелевина, «Воды любви» — сборник рассказов, которые ставят автора в один ряд с такими мастерами короткой прозы, как Буковски и Сароян.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)

© Владимир Лорченков

© Издательство «Тотенбург», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Я ЛЮБИЛ ВАШЕ ФОТО.....	5
ВОДЫ ЛЮБВИ.....	23
ВОЙДИ В РОМАШЕК ДОЛ.....	45
МАЙОР ПЕТРОВ ОСТАЁТСЯ	63
ЦЕЛЬСЯ ЛУЧШЕ	79
БЕЛЕЕТ ПАРУС	96
СОБАКИНЫ КОСТИ	108
МАКАМОНЫ.....	121
ЧЕЙ ДЯДЯ НАПОЛЕОН	136
САМЫЙ КРУТОЙ СОПЕРНИК В МИРЕ.....	152
КНОПКИ КЛЕПАТЬ	
ОДНО УДОВОЛЬСТВИЕ.....	171
ЗНАКОМЬСЯ,	
ТВОЯ ДВОЮРОДНАЯ СЕСТРА.....	192
УТРО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ.....	203

Познакомиться с переводами книг Люсьена Рёбате, Пьера Дриё Ла Рошеля и других французских писателей, поддержать работу над этими переводами можно, подписавшись на Бусты и Патреон переводчика. Также на Ютуб-канале Владимира Лорченкова вы можете посмотреть цикл лекций о французских писателях Люсьене Рёбате, Пьере-Антуане Кусто, Шарле Моррасе, Робере Бразильяке, Поле Моране, Пьере Дриё Ла Рошеле, Луи Фердинанде Селине и др.

Владимир Лорченков —
эксклюзивный контент
на Boosty

Patreon

Серия лекций-стримов
о «правой» литературе
Франции — YouTube

Я ЛЮБИЛ ВАШЕ ФОТО

Мне было десять лет, а ей двадцать, и у нас был роман.

Но давайте я расскажу с начала. Когда мы познакомились, мне было десять. Она сидела на корточках у бортика бассейна. У ее ног плескались дельфины. Два дельфина с блестящими носами, умными поросычьими глазками и сайрой во рту. Или треской? Или хеком? В общем, у каждого из них во рту была рыба. Которую, я так понимал, сунула им та самая девушка, сидевшая перед дельфинами на корточках. Крепкобедрая, с сильными, не очень длинными, но и не короткими, ногами. В джинсовой рубашке с коротким рукавом, завязанной на животе узлом. С волосами, разделенными пробором, и каждая сторона перевязана розовой лентой. Красивым, чуть продолговатым лицом, с крупным носом. В розовых плавках-шортах. Она сидела, поджав под себя ноги, и глядела в сторону Океана, который плескался сразу же за бассейном.

Дельфинов собирались выпускать в Океан, это я прочел к подписи к фотографии.

Я глядел, замороженный, то на девушку, то в бликующий солнечными зайчиками океан. Девушка, океан. Океан, девушка. Потом перевел взгляд на окно. На нем висело серое, отвратительно колючее солдатское одеяло. Я подошел к нему осторожно, отогнул край.

Нет, чуда не случилось.

За окном не плескался безбрежный Океан. На меня глядели серые, низкие сопки Заполярья. Вдалеке кривлялись карликовые березы. Где-то

за ними, я знал, прыгают друг за другом огромные полярные зайцы. Свет был серым и тусклым, но он был. Как раз наступил гребанный полярный день. Когда мы сюда ехали, нам объяснили, что на Севере бывает Полярный День и Полярная Ночь. Мол, полгода в тебя светит солнце, а полгода за улицей ночь. Так вот. Нас обманули. И полярная ночь оказалась тем же самым, что и полярный день. А полярный день оказался тем же самым, что и полярная ночь. Надеюсь, я вполне доступно объясняю, что никакой разницы между ними нет.

И то и другое — просто сумерки.

Когда уже не светло, еще не темно, и продолжается это одиннадцать месяцев в году. Что? Нет, вполне вероятно, что и все двенадцать, просто на один месяц мы всегда уезжали на юг, к бабушке с дедушкой. Отец оставался служить, и отстреливать, от нечего делать, долбанных лосей из автоматического оружия, а мы с братом объедались в Молдавии виноградом и трындели: как романтично и красиво жить на севере, как клево собирать морошку, похожую на мандарины окраской и тошнотворную морковь с сахаром вкусом, прорывать в снегу туннели, спускаться с гор на саночках, и передвигаться по туннелям под снегом в полный рост, и купаться в Ледовитом океане. Ах, Ледовитый Океан...

Ничего общего с Океаном, который плескался за спиной моей красавицы, у него не было.

Жестокий, холодный, колючий, всегда темный. Проклятый ты Ледовитый Океан, говорил я ему тогда и говорю сейчас. Сейчас, впрочем, такой ненависти я к нему не испытываю. Более того, глядя на безбрежно солнечные воды Средиземноморья, я даже тоскую по тебе иногда, северный океан. Пом-

нишь ли ты меня? Говорят, у воды есть память. Говорят, на ней отпечатывается все, что мы говорим и делаем. Мировой Океан это просто большая пластинка, на которую записывается все, что мы говорим или, того страшнее, думаем. Соглядатай Бога, вот что значит вода. Говорят, если у воды сказать что-нибудь, ну там, «сейчас? Половина второго», или «ягненок с розмарином, отлично», или «иди к черту», ну, или «я люблю тебя», — вода запомнит это навсегда. Ну, так вот, Ледовитый Океан.

Я очень любил ее.

* * *

Забавно, но я мог выбрать не ее.

В той книжке, ну, где я впервые увидел ее фотографию, было несколько снимков. И Сара — а значительно позже я выяснил, что ее именно так зовут, ничего такого, не подумайте, в Америке просто распространено это имя, — вполне могла не дойти до моего сердца. Так и остаться красивой двадцатилетней девчонкой с задумчивым взглядом в океан, и двумя дельфинами у своих крепких ляжек. М-м-м, что за ляжки. Уверен, даже дельфины, — они ведь тоже млекопитающие и теплокровные, как мы! — мечтали вдуть ей, этой девчонке, волосы которой с лентами развевал ветер. И именно в тот-то момент фотограф — я до сих пор, а ведь прошло двадцать пять лет, ревную ее к нему, — нажал на «спуск». Боже, надеюсь, спустил он лишь образно, иначе я не переживу этого. Детские шрамы болят до окончания жизни, не так ли? Ничего не заживает, все это просто чушь. Но тогда я об этом не думал. Мне было десять с половиной, почти одиннадцать! И я отчаянно старался выглядеть и думать как парень постарше, потому

что учился с ребятами постарше. Это обязывало. А еще я плавал, и довольно серьезно, поэтому на соревнованиях то и дело выигрывал призы. А так как это был СССР, — к черту стяжательство, — то ничего ценного нам не дарили. То книжки со спортивными очерками, то наборы для занятий физкультурой дома, и много-много всякой всячины. Особенно много нам почему-то дарили книг про море, ныряльщиков и тому подобную чушь. Видимо, они думали, что раз ребята плавают, то и книжки им нужно дарить про воду. Это было все равно что подарить шлюхе фаллоимитатор.

Книгу «Человек-дельфин» я выиграл в Заполярье.

На семнадцатой странице этой феерической чепухи, написанной сумасшедшим французом Жаком Майодем, была фотография японской женщины-ныряльщицы «ама». Эти девчонки ныряют в чем мать родила. У них только веревочный поясик, и пышная, черная мохнатка. У всех. И сиськи. Само собой, первое, что я сделал с книжкой Жака Майоля, дочитав ее до семнадцатой страницы — заперся с ней в туалете, и сдрочил. Аккуратно вытерся, и вышел. Сел у себя в комнате и продолжил читать.

Жак Майоль, как и все французы, был сумасшедшим, восторженным, трахнутым по голове пыльным мешком кретином.

О-ла-ла! Он верил, что люди произошли от дельфинов, любил дельфинов, плавал в американском океанариуме с дельфином, описал историю своих отношений с дельфином Клоун, и, я был в этом практически уверен, он любил эту дельфиниху. Целовался с ней тайком вечерами при свете звезд в океанариуме. И, как и все сумасшедшие, этот Майоль чертов был невероятно везучим. Он погружался без акваланга на большие расстояния, и даже пару раз побил миро-

вой рекорд. Его предел был сто пять метров. Наверное, это секс с дельфинихой его так вдохновил.

В общем, книга мне понравилась.

Я даже прочитал страниц тридцать еще, и подумал, что буду дрочить на фото японской купальщицы. Крепенькой низенькой японской девушки с колючим кустом вместо ног, японки, уходящей в глубину, и болтающей ногами — именно в этот момент ее и подловил фотограф — как случайно перевернул страницу, зная, что она будет последней.

Тут-то я и увидел ЕЁ и японка была безжалостно выброшена из моего сердца. В воду. Бульк.

На меня глядела богиня в розовых плавках-шортах, джинсовой рубаше, крепкими полными ляжками, крупноватым носом, чуть продолговатым лицом, небольшой, но высокой грудью и ветер дул ей в лицо, а она глядела, полуотвернувшись, в Океан, и я понял, что влюбился. Это следовало обдумать.

Я взял книжку и пошел в туалет.

* * *

При переезде в чертову Молдавию я оставил в этом чертовом Заполярье все свои ценности — коробку с медалями и грамотами. Но книга «Человек-дельфин» была со мной. Сара, — а я узнал, как ее зовут, догадавшись просмотреть перечисление списка изображений и их авторов в конце книги — была со мной. Я уже точно знал, что мы с Сарой поженимся, когда я стану побольше. О, исключительно в плане роста, конечно. С остальным был полный порядок — в раздевалку, посмотреть на чудо природы, приходи парни из девятого класса.

Ну у него и яйца, ну у него и член! — говорили они. — Это в его-то одиннадцать!

Одиннадцать и четыре месяца, — поправляя я, — почти одиннадцать с половиной, значит, практически двенадцать.

Они добродушно смеялись, а на тренировках на меня поглядывали, перешептываясь, девочки.

Но мне было все равно. Я знал, что отдам всего себя Саре, только Саре, исключительно Саре. Я был ее рыцарем. Мне было все равно, что найти ее будет делом трудным, практически невероятным. Но я не мог глаз отвести от ее фотографии. Часами сидел, глядя на нее и Океан за ее плечами, на дельфинов этих чертовых у ее ног, и думал, думал, думал. Как мы встретимся, как я подойду к ней и как сладко сожмется у нее сердце. А пока сжималось оно у меня. Ну, и не только сердце. Конечно, приходилось мастурбировать. Как-то раз я, в качестве эксперимента, спустил прямо на снимок. Ничего особенного, а пятно пришлось затирать. Так что я больше этого не делал. А Сара как была богиней, — чистейшей, красивейшей — так ей и осталась, хоть на ее шортах-трусиках и появилось небольшое пятно.

Только сейчас я понимаю, что это она потекла.

Но и тогда я понимал очень многое. Дети, которые занимаются плаванием, они как сельские. Очень развитые, и даже больше, чем сельские. В деревне детишки с младых лет видят, как коровы любят быка, ну, и тому подобные штуки. А на плавании ты лет с шести-семи видишь обнаженных людей, и прекрасно понимаешь разницу между полами. Тем более, что плывет-то команда на одной дорожке.

Так что я пристраивался за девчонками, — когда те плыли брассом, по лягушачьи раздвигая ноги, — и смотрел. Неотрывно. Тренера даже нервничали. Но мне было все равно. Никто в мире не мог бы обвинить меня в педофилии — я был младше этих три-

надцатилетних коров на полтора-два года. Мне нравилось рассматривать их щели. Некоторые, — со складками, — были особенно привлекательны. Но, конечно, никакой конкуренции эти девушки моей Саре составить не могли. Моя двадцатилетняя женщина, она ждала меня, сидя на низком бортике бассейна, залитого морской водой.

И дельфины весело перемигивались у ее ног.

А я дрочил, глядя на нее, дрочил так и этак. Изучил Камасутру — мне надо было быть готовым к тому моменту, когда мы встретимся, прочитал все статьи в журнале «Ровесник» про секс, просмотрел даже тайком в каком-то советском салоне, заплатив за это рубль с полтиной, фильм про секс. Я стал страшно опытный. Я не просто дрочил, но мысленно вытворял с Сарой такие штуки, что....

Уверен, и Саре это нравилось. И, как и все американки, она была не очень ревнива и понимала, что к чему. Так что, когда на соревнованиях в каком-то Североморске, или где там у них подводные лодки целятся карандашами чертовых ракет в подбрюшье НАТО — ко мне в номер пришла девчонка из соседней команды, и спросила, умею ли я трахаться, я сказал — ну, конечно. А что, спросил я. Она уже трахается, объяснила мне девчонка, а ее парень-старшеклассник уехал в Омск на полгода, и вернется только к лету. Лето, зима, какая к черту разница на этом Севере, подумал я. А трахаться ей охота, и ребята постоянно говорят, что у меня большой член и яйца, поэтому давай потрахаемся, продолжила девчонка. Я сказал о'кей, и отложил книгу «Человек-дельфин». Она легла под одеяло — проклятушее коллочее советское одеяло, какое давали во всех проклятущих гостиницах Советского Союза — и разделась под ним. Легла на меня, и мы потрахались.

Ей было четырнадцать лет и она была перворазрядницей, мне тринадцати еще не было, и шел я на второй взрослый. Спинист и брассистка. У нее еще были крашенные волосы, она этим гордилась. Нет не внизу, внизу она их сбривала, чтоб из под купальника не выбивались.

Потом мы еще пару раз потрахались, потому что она лишилась девственности всего месяц назад и входила во вкус. Скажешь кому-нибудь, скажу, что ты наврал все, и мой пацан тебя убьет, сказала она. Когда она ушла, я достал «Человека-дельфина», и стал онанировать.

— Что делал? — спросил меня парень, которого подселили ко мне в номер, и который вернулся из города.

— Трахался с Олей из команды «Альфа», ну, у которой парень в Омск уехал, — сказал я.

— Врешь, — сказал он.

— Вот, — сказал я, — она трусы забыла. Потрогай, они еще скользкие.

— Круто! — сказал он, нюхая трусы. — Господи, глазам своим не верю. Ты ТРАХАЕШЬСЯ? О черт, да это всей команде надо рассказать!

— Ну а что здесь такого? — кокетничал я. — Расскажи, конечно!

— Хочешь, сяду на шпагат и достану яйцами рубль? — спросил он.

— Не достанешь, — сказал я.

— Спорим на рубль? — спросил он.

— Давай, — сказал я.

Мы бросили рубль на пол, он снял штаны и сел на шпагат, и яйцами коснулся рубля.

Я проиграл.

Несмотря ни на что, я был верен Саре. Ну, в смысле душой.

Когда мне было тринадцать, мы перебрались в Молдавию. Случилось ГКЧП. Или случился? Не знаю. Я видел телик. Несколько испуганных дядек сидели за столом перед кучей чертовых журналистов и те издевались над пожилыми людьми. Мне было жаль и тех и других. Потом показали танки и людей которые улюлюкали и бросали в танки бревна.

— Дети, — сказала мать торжественно, — это Демократия свергает режим! Только бы не Совок снова, только не это!!!

После этого она поехала в отцу, на Север, помогать ему собирать пожитки, чтобы вернуться в Демократическую Молдавию. И оставила нам с братом двести рублей на две недели. Тут-то и случилась очередная денежная реформа, и эти деньги обернулись ничем. Мы неделю жрали одну черешню, которую воровали в садах за домом, и поносили от этого, как заведенные, ослабли страшно, я даже дрончить не мог, только лежал в углу на матрасе, мебели-то не было, да постанывал, а брат готовил мне единственное лекарство, которое мы могли тогда себе позволить — крепкий чай.

Но книга «Человек-дельфин» была со мной. Я глядел в нее, когда мне становилось совсем худо.

... По телику показали балет, и мать загрустила. Балет значил, что красные побеждают, а мать не любила красных. Потом показали митинг и мать повеселела.

Я поглядел на телик еще немного, и пошел дрончить, в ванную.

Я выяснил экспериментально, что в ванной — лучше всего. Есть два вида секса с собой в ванной.

Первый — когда ты полностью погружаешь член в воду. Для этого нужно прилагать больше усилий, потому что сопротивление воды не позволяет двигать рукой так же свободно, как над водой. Второй — ты держишь в воде ПОЧТИ все. Второй вариант более шумный — ты хлюпаешь. Ощущения хороши и так и этак, но они чуть разнятся. Это как выпить коньяку из широкого бокала, предварительно нагрев, или сделать из него глинтвейн или что там из него делают?

В общем, по настроению.

Я выбрал глинтвейн, и спустил вод водой. В ушах стучало. Это бился в них океан, и Сара — нестареющая, молодая, прекрасная Сара, сотрудница океанариума Мичигана, снятая в 1972 году в дельфинами фотографом Джоном Ирвином для книги «Человек-Дельфин» Жака Майоля, тираж 70 тысяч экземпляров, — глядела чуть в меня и чуть в сторону, чуть мимо меня. Мы были знакомы уже несколько лет, но чувства наши были свежи. Мне было уже четырнадцать

Я любил ее.

* * *

Конечно, со временем я изменил Саре не только телом.

Знаете, как это бывает. Шестнадцать — первая любовь, восемнадцать — вторая, двадцать — третья. То, что кажется тебе значимым в детстве, не так важно, когда ты взрослеешь. Ну, и тому подобная конформистская чушь. Чушь, потому что, когда я словно очнулся, и, — мужчина двадцати трех лет, в шрамах, и опытный, — случайно наткнулся на книгу «Человек-дельфин», валяющуюся на балконе, то понял, что у нас все по-прежнему.

Сара была самой красивой женщиной мира. Меня волновала ТОЛЬКО она. Самая красивая девушка в мире. Для меня, и для мира, и для Океана, и для тех двух чертовых дельфинов, что тусили у ее ног. Я мечтал о ее промежности. О ее груди и губах. Я был готов умереть за нее.

Я бы отдал все за то, чтобы лежать в воде у ее ног.

Я уже не плавал и успешно гробил спиртным все то, что подарил мне спорт. Закончил журфак, много курил, много работал, разбивал сердца, свое давно уже потерял где-то. В моей жизни была одна ценность. Одна постоянная величина. Сара. Все остальное — женщины, работа, книги, которые я начал писать — пролетало мимо меня в какой-то бешеной тряске. Мне исполнилось двадцать четыре пять, когда я, крепко поддав, сел в кабинете своего редактора вечером с бутылкой коньяку, и набрал справочную Мичигана. Во мне все трепетало. Ради этого момента я учил английский язык по самоучителю Петровой, и, мать вашу, выучил его.

— Океанариум Мичигана, — попросил я.

Они не торопились, но мне было все равно. Платила-то за переговоры, хоть и не знала об этом, редакция. Мне дали чертовы телефон этого океанариума. После моих долгих сбивчивых объяснений ошарашенные сотрудники океанариума обещали мне узнать все о персонале семидесятых годов.

И, конечно, ничего не узнали.

Мы очень сожалеем, сказали они. Это ужасно трогательная история, сказали они. Можно мы напишем про нее в нашей городской газете? Делайте, что хотите, сказал я, повесил трубку, и разрыдался. Впервые за двенадцать лет я плакал. Учить французский и искать Жака Майоля было бы чересчур.

Ну что же, я хотя бы попробовал. Совесть моя была чиста, этот долг можно было закрыть.

Я бросил книгу «Человек-дельфин» на балкон, где хранится весь мусор, и зажил без Сары.

Плохо зажил.

* * *

В тридцать пять я развелся.

Глядя на свадебные фотографии, и отхлебывая пиво прямо из бутылки, я признался, наконец, себе в том, что выбирал жену по степени сходства с Сарой.

Они были очень похожи.

Наверное, мы могли бы быть счастливы с Олейсей. Она была так же хороша, как Сара, пригожа, умна, все такое. Но, черт побери, за ее спиной не было Океана, и за ней не светило вечное Солнце, и она не была символом девушки-хиппи, бросившей все ради спасения дельфинов в океанариуме. Господи, Сара, где ты, где ты, моя вечная молодость, где ты, мой океан, где ты, где ты, где ты...

Я вырезал из книги это фото и вставил его в рамку. Поставил на комод. Когда жена — бывшая жена — пришла забирать свои вещи, то спросила меня, что это значит. Я объяснил.

— Ненавижу тебя, — сказала она.

— Ты просто десятилетний пацан, который замер в свои десять у книжки с фотографией, окаменел, и пропустил всю жизнь, — сказала она. — И был таким все последние двадцать лет.

— Бедный, несчастный, одинокий и развращенный мальчик у берега моря, — сказала она, — а я ведь была вся для тебя. И мы могли бы жить настоящим...

Я закрыл глаза. В уши нам с Сарой бился прибой. Дверь хлопнула и больше я Олесю никогда не видел. Другие женщины в доме появлялись все реже. Зачем? Мы с Сарой достигли в сексе феерических высот. Вы не представляете себе ЧТО можно вытворять, просто глядя друг другу в глаза и лаская себя... А вот во всем, что не касалось секса, все обстояло очень плохо. Дело вообще шло к деградации, я начал пить, бросил писать, курил прямо в постели, и все разговаривал с Сарой. Она была благодатна, как Вселенная, и не осуждала меня, я видел. Но какой-то инстинкт подсказал мне, что умирать еще не время. Так что я отослал свое резюме в пару фирм, пришел на собеседование чисто выбритым, и одетым во все постиранное, и, благодаря своему слабо подзабытому английскому и любви к истории и Гомеру, получил работу экскурсовода в Трое.

Уже через месяц мы с Сарой улетали в Турцию.

* * *

Работа мне нравилась. Жил я в городке километрах в пятнадцати от самой Трои, — вернее, ее развалин, — назывался который Чанаккале. От него до берега Европы было километра полтора, их еще Байрон переплывал. Пару раз переплыл и я. За два года, что я там пробыл, бросил курить, стал плавать, бегал по утрам.

Сара глядела на меня с одобрением.

Персонал гостиницы, — скромной «трешки», но мне хватало, — где меня поселили, к рассказу о погибшей жене, чье фото всегда со мной, отнесся по-турецки сентиментально. Так что меня не трогали особо, и я мог сколько угодно гулять по берегу моря

с фото Сары, да два раза в неделю сопровождал группы туристов к Трое.

Вечерами я гулял по набережной Чанаккале, ел рис с соком лимона и мясом мидий из ракушек этих мидий, и сидел на лавочках у черного от ночи Черного моря. Над ним парила дымка. Я не был уверен, что из нее вот-вот не покажется голова Джона Гордона. Ну, или я вдруг увижу за пальмой Сару, кормящую с рук дельфинов.

Здесь все было так... зыбко, странно и удивительно.

Я, как оно в Турции часто бывает, постепенно пропитывался Солнцем, благодушной апатией ко всему, философским отношением к жизни, и умением просто жить, не требуя взамен ничего. Наверное, за это судьба меня и вознаградила.

И я встретился с Сарой.

Настоящей, а не картинкой из книжки.

Я вел группу туристов по дощатому мостику от стены, с которой на головы ахейцев лили кипящее масло, к храму, где заколот жертвы 900 лет спустя сам Александр Македонский, — а навстречу мне поднималась стайка позитивных англосаксонских туристов. Я прошел мимо, и уже спустя пару метров понял, что видел Ее. Я быстро указал своим туристам на поле, по которому Ахилл таскал за своей колесницей труп Гектора и попросил идти в том направлении. А сам обернулся и прыжком, рискуя сломать шею, — здесь из-за раскопок все ходят по мостикам и доскам, — догнал туристов. Семь жизнерадостных, розовощеких американцев. Да, я не ошибся. Посреди них стояла ОНА, чуть расплывшаяся в бедрах, чуть усохшая в груди, с чуть седыми волосами, но это была она, она, она.

— Здравствуйте, я всю жизнь дробил на ваше фото, — сказал я.

— Что? — спросила она на английском.

— Вас зовут Сара? — перешел я на английский.

— Да, — недоуменно ответила она.

— Вы работали в океанариуме Мичигана? — спросил я.

— Э-э, да, но очень давно и всего сез... А откуда вы, молодой человек, это знаете? — спросила она.

— Это вы? — спросил я, и показал ей фото.

— Это я, — сказала она весело-удивленно, — но отку...

— Я вас очень любил, — сказал я. — Очень-очень. Вы были божественно красивы.

— То есть, — сказал я, — вы и есть божественно красивы.

— Да, черт побери, — сказал розовощекий американец лет семидесяти пяти, как и она, — я это знаю, недаром я ее муж. Вот уж не думал, что в таком-то возрасте у меня появится соперник.

Пенсионеры радостно рассмеялись. Я улыбался.

— Я надеюсь, вы счастливы и у вас куча детей, — сказал я им.

— О, спасибо, уже внуков, — сказала, все еще не понимая, она.

— Я счастлив, — сказал я. — Я был очень влюблен в вас. Я должен объяснить. Я не сумасшедший. Я вас очень любил. Ну, именно такой, как тут. Ну, мне пора. Кстати, вот ваше фото. Это было в книжке одной, про море... Я увидел ее в детстве и был влюблен, ну, как это у детей бывает, знаете?..

— Про море... — сказала она, начиная что-то понимать. — Какое красивое фото... Я была так мо-

лода... Да, как у детей. Картина прекрасной дамы...
Понимаю. Я была так молода...

— Вы и сейчас такая, — галантно сказал я.

— Молодой человек, — сказала она, и я понял, что моя Сара осталась моей Сарой, — молодой человек... Лет тридцать-сорок назад...

И подмигнула. Так, как сделала бы эта красивая девушка с фотографии моего детства. Они, и даже ее муж, снова рассмеялись, очень дружелюбно, и я понял, что лет тридцать-сорок назад, может, и правда...

Проблема была лишь в том, что лет сорок назад она, двадцатилетняя и прекрасная, сидела на краю бассейна и ветер Океана развеивал ее волосы с розовой лентой. А меня еще не было. А эта, нынешняя женщина, она была уже вовсе НЕ ТА Сара...

Они попрощались со мной за руку все, старушка чмокнула меня в щеку, и они ушли, громко и восторженно обсуждая эту удивительную историю.

Я махал им рукой, улыбался, и на моих глазах выступали слезы.

* * *

Так я увидел Сару и потерял ее.

Но это меня не огорчало. Утром следующего дня я взял автомобиль напрокат и поехал к Трое. Никого не было. Развалины выглядели, как обычные турецкие античные развалины. Много мрамора, камней, скульптур, земли. Много травы, зелени. И ящерицы, которые греются на мраморе. И очень редкие туристы, которые приехали не группой, а сами, остановились в городке неподалеку, и бродят по античным дорожкам, останавливаясь лишь у щитов с указателями. Старательно шепчут, повторяя про себя, куда идти.

Гида такие не берут, но я сегодня и не был гидом. Птицы поют. Вдалеке чуть шумит море.

Раскопки пустовали. Я прошел по узким улочкам между крепостными стенами — именно среди них понимаешь, что история про Коня была преувеличением, тут и человек еле пройдет, — и взобрался на холм седьмой Трои.

Всего-то их было двенадцать, и штурму, описанному Гомером, подвергалась четвертая.

Впрочем, извините. Я все сбиваюсь на экскурсию. А я ведь не для того сюда приехал. Я спустился с холма к остаткам пятой Трои, и присел у мраморного столика, за которым сидел еще Македонский, когда остановился здесь почитать что-то из Гомера, ну, перед тем, как покорить Персию. Достал пистолет. Еще одна чудесная особенность Турции состоит в том, что здесь можно свободно купить оружие, не пулемет, конечно, но какой-нибудь скромный пистолет — запросто. Солнце уже начинало припекать, и я почувствовал капли пота на лбу. Надо было торопиться, пока не началась жара.

Я поставил на столик фотографию Сары в рамке. Расстегнулся. Сделал это в последний раз. И стал глядеть на нее. На лицо своей единственной любимой женщины. Время шло, а я все глядел и глядел.

... постепенно ящерки на кусках мрамора пропали, зеленые поля поблизости потемнели и превратились в синие-синие воды Океана, великого океана Любви, и девушка, сидящая передо мной в профиль двадцать пять лет, повернула, наконец, ко мне свое лицо, небо помрачнело и на голову мне что-то капнуло, а потом я понял, что это ветер, великий ветер принес ко мне соль и брызги Океана, и девушка улыбнулась мне, сухо где-то вдалеке шелкнул вы-

стрел, но это не имело уже никакого значения, потому что глаза моей Сары широко раскрылись, и она, девушка с фотографии, ожила, и раскрыла мне объятия, и я упал в них, и ее тело, в короткой джинсовой рубашке и полные ляжки в розовых шортиках — все это потянулось ко мне, и вдалеке закричали чайки, и Солнечный диск взошел над водами, и воды омыли нас с Сарой, и мы стояли, молодые и красивые, обнявшись, прижавшись друг к другу, у кромки Океана, и дельфины плескались у наших ног, и мы глядели друг другу в глаза, и улыбались, и знали, что будем здесь вечно, и будем так вечно, теперь уже вдвоем.

Вместе и навсегда.